

4878

ВЪ ДЕНЬ АНГЕЛА.

РАЗСКАЗЫ

СЪ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ КАРТИНКАМИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Баронессы Юлии фонъ Иксюль.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ПОДАРОКЪ

ВЪ ДЕНЬ АНГЕЛА.

ПОДАРОКЪ
ВЪ ДЕНЬ АНГЕЛА.

РАЗСКАЗЫ
СЪ ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ КАРТИНКАМИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Баронессы Юлии фонъ Икскюль.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1857.

ПОДАРОК
ВЪ ДЕНЬ УНІВЕРСА.
РАСЧЕТА
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
Отдѣльному Цензору въ Дерптѣ узаконенное число
экземпляровъ.

Дерптъ, 3-го Октября 1856 года.

Отдѣльный Цензоръ *А. де Лакруа*.

Est.

ТРА Печатаются.

5664

Въ типографіи Н. Глазунова и Комп.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
Ангельъ	7
I. Молодая Елка	15
II. Канарейка	41
III. Утренній сонъ	45
IV. Персики	51
V. Вальтеръ и Гертруда	57
VI. Маленькій пастухъ	67
VII. Краснозобка	71
VIII. Маленькая благодѣтельница	75
IX. Радуга	79
X. Рожденственское утро между моги- лами	85

АНГЕЛЪ.

А Н Г Е Л Ъ .

Когда умираетъ доброе дитя, тогда низходитъ на землю Ангель, беретъ его къ себѣ на руки, летитъ съ нимъ на тѣ мѣста, которыя дитя охотно посѣщало, и уносить оттуда на небо цвѣты, чтобы они тамъ еще прекраснѣе цвѣли, чѣмъ на землѣ. Господь Богъ (прижимаетъ къ сердцу) благословляетъ всѣ цвѣты, а самый любезный для него цвѣтокъ лобзаетъ, и тогда этотъ цвѣтокъ получаетъ голосъ, чтобы прославлять вѣчное блаженство. Такъ рассказывалъ Ангель, неся умершаго младенца на небо, а младенцу казалось все это сновидѣніемъ. Они неслись черезъ родину младенца и летѣли чрезъ сады, наполненные прекрасны-

ми цвѣтами. «Какіе цвѣты взять теперь съ собою для насажденія на небѣ?» спросилъ Ангель. Тамъ, между прочими, стоялъ розовый кустъ, но дерзкая рука надломила его къ корню, и всѣ вѣтви съ большими полураспустившимися почками завяли и печально наклонились къ землѣ. «Бѣдный кустъ» сказало дитя: «помоги ему, чтобъ тамъ, вверху, снова онъ зацвѣлъ». Ангель, взявъ цвѣтокъ, поцѣловалъ дитя, и оно открыло немного глаза свои. Они нарвали пышныхъ, великолѣпныхъ цвѣтовъ, но не пренебрегли и скромныхъ полевыхъ цвѣточковъ. «Теперь у насъ есть цвѣты! лепеталъ улыбающійся младенецъ. «Да, сказалъ Ангель; но онъ не вознесся еще къ Богу. Была ночь и глубокая тишина. — Они, остановившись надъ большимъ городомъ, носились надъ одною изъ узкихъ улицъ, гдѣ разбросано было множество разнаго хламу. Это было во время перемѣщенія на квартиры, и потому валялись тамъ въ грязи и пыли разныя негодныя и попорченныя вещи. Ангель указалъ на черепки цвѣточного горшка, съ кучкою разсыпавшейся земли, и на корни изсохшаго полевого цвѣтка, которые, бывъ выброшены на улицу, держались еще вмѣстѣ. Этотъ цвѣтокъ тоже возьмемъ съ со-

бою, сказалъ Ангелъ, а для чего, я объясню тебѣ то, пока летимъ. Тогда полетѣли они далѣе, и Ангелъ рассказывалъ: «Тамъ, внизу подъ нами, въ узкой улицѣ, въ низкомъ подвалѣ жилъ одинъ бѣдный больной мальчикъ. Съ давняго времени былъ онъ прикованъ болѣзнию къ своему ложу; когда же ему дѣлалось полегче, то изрѣдка только могъ онъ на костыляхъ пройти взадъ и впередъ по маленькой комнаткѣ раза два; болѣе ходить не имѣлъ силы. Въ иные лѣтніе дни лучи солнечные проникали на краткое время въ сѣни подвала, и если въ то время бѣднякъ, сидя или стоя тамъ на колѣняхъ, согрѣваемъ былъ теплою яснаго солнца и могъ видѣть алую кровь сквозь нѣжные пальцы, которые онъ приближалъ къ лицу своему, тогда говорили: «Да, онъ выходилъ на прогулку!» Онъ зналъ лѣсъ, съ его величественною весеннею зеленью только потому, что сынъ сосѣда приносилъ ему однажды буквою вѣтвь, которую онъ, держа надъ головою, воображалъ себя тогда между букowymi деревьями при солнечномъ сіяніи и при пѣніи птицъ. Въ одинъ весеній день принесъ ему сосѣдній мальчикъ и полевые цвѣты, изъ которыхъ одинъ былъ съ кор-

немъ; этотъ цвѣтокъ посадили въ горшокъ и поставили на окнѣ подлѣ самой постели больного. Цвѣтокъ выросталъ, распускалъ новыя отрасли и каждый годъ давалъ свои цвѣты; онъ сдѣлался цвѣтникомъ больного мальчика, его любимѣйшимъ достояніемъ на землѣ; мальчикъ поливалъ его, лелѣялъ и старался, чтобъ ни одинъ солнечный лучъ, проникающій сквозь низкое окно, не миновалъ цвѣточка. Цвѣтокъ былъ его сердечнымъ другомъ, утѣшеніемъ жизни и наяву и во снѣ; для него цвѣлъ, благоухалъ цвѣтокъ, къ которому обращался благодарный мальчикъ при самой смерти, когда Господь воззвалъ его.

Вотъ нынче уже годъ, какъ мальчикъ у Бога, и годъ стоялъ цвѣточекъ на окнѣ безъ призрачія; онъ усохъ и затѣмъ-то, при перемѣщеніи, выбросили его на улицу. Это тотъ самый бѣдный, усохшій цвѣтокъ, который мы взяли съ собою, потому что этотъ цвѣтокъ доставлялъ радости болѣе, нежели самый великолѣпный цвѣтъ княжескаго сада. — «Но кто жъ тебѣ все это сказалъ?» спросилъ младенецъ, несенный Ангеломъ на небо. «Да я, сказалъ Ангелъ: «я самъ и былъ тотъ маленькій больной мальчикъ, который ходилъ на

костыляхъ : какъ же мнѣ не знать своего цвѣтка?»

Въ то время дитя раскрыло совсѣмъ глаза свои и смотрѣло, улыбаясь, на просіявшее лицо Ангела, и тогда-то были приняты они на небѣ въ лоно радости и блаженства. Богъ благословилъ, (прижалъ къ сердцу своему) умершее дитя, и оно, получивъ крылья, полетѣло съ другими Ангелами, сплетясь руками. Богъ благословилъ всѣ цвѣты, а бѣдный, изсохшій полевой цвѣтокъ облобызаль, и этотъ цвѣтокъ запѣлъ тогда съ ангелами, окружавшими Бога; одни изъ нихъ были ближе, другіе далѣе и далѣе въ большихъ кругахъ, все болѣе и болѣе расширявшихся до безконечности, и всѣ были вполнѣ счастливы, и всѣ, малый и великій, пѣли хвалебную пѣснь Господу, какъ скромное, благословенное дитя, такъ и незамѣтный полевой цвѣтокъ, который лежалъ изсохши въ узкой темной улицѣ.

1.

МОЛОДАЯ ЕЛБА.

Вмѣсто Предисловія.

Поводомъ къ изданію этого разсказа послужилъ извѣстный у Нѣмцевъ дѣтскій праздникъ, бывающій въ Рождественскій сочевникъ, т. е. вечеромъ наканунѣ дня Рождества Христова, и называющійся по-русски *Елка*, а по нѣмецки *Christ - Baum*, что собственно значитъ: *Христово дерево*. Для большей важности оно названо такъ въ томъ убѣжденіи, что какъ будтобы самъ І. Христось, въ награду добрымъ, послушнымъ и прилежнымъ дѣтямъ, внушаетъ ниспосылать тѣ подарки, какіе обыкновенно бывають на выставляемой тогда Елкѣ, разнообразно украшаемой по произволу и состоянію празднующихъ. Радостное для дѣтей, веселое и утѣшительное особенно для

достаточныхъ родителей, празднество это не требуетъ особаго описанія и объясненія потому что оно болѣе или менѣе извѣстно уже во всей Россіи; въ большихъ же городахъ, особенно въ нашей великолѣпной Сѣверной Пальмирѣ, болѣе замѣтно это обыкновеніе, и перешло во многія семейства даже между Русскими. Я не буду также изыскивать съ археологическою точностью и того, когда, какъ и почему введено веселое и наставительное для дѣтей торжество это. Довольно сказать, что цѣль его есть чисто нравственная и исполненіе основано на религіозномъ вѣрованіи. Праздникъ этотъ очень кстати напоминаетъ участвующимъ въ немъ дѣтямъ: 1) что родившійся нѣкогда для нашего спасенія Богочеловѣкъ І. Христосъ не возгнушался, по любви къ роду человѣческому, быть младенцемъ и проходить дѣтскій возрастъ въ полномъ послушаніи земнымъ своимъ родителямъ, будучи истиннымъ и Единороднымъ сыномъ Божіимъ; исполняя всѣ дѣтскія обязанности безпрекословно, подалъ примѣръ всѣмъ дѣтямъ быть внимательными къ исполненію внушаемыхъ имъ правилъ благонравія; 2) что Спаситель міра, во время земной своей жизни, особенно любилъ, и нынѣ любитъ, дѣтей, невинныхъ

и незлобныхъ, такъ, что въ Божественномъ своемъ словѣ указывалъ на нихъ, какъ на символъ, или образецъ спасенія. Такъ не разъ говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ: *«Не войдете въ Царствіе Божіе, если не будете какъ дѣти»* или: *«Не отгоняйте отъ Меня дѣтей, ибо таковыхъ есть Царствіе Божіе»*, или еще: *дѣти всегда видятъ лице Отца моего небеснаго*, и т. п. вообще, по Псалмопѣвцу, Господь *«изъ устъ младенцевъ и ссушихъ совершилъ Себѣ хвалу»*. Такая любовь Божія къ дѣтямъ сыновъ человѣческихъ, при благоразумномъ руководствѣ и внушеніи отъ родителей и наставниковъ, конечно легко можетъ насаждать, вкоренять и питать въ дѣтскихъ сердцахъ спасительную любовь къ возлюбившему ихъ Господу.

3) Даваемые дѣтямъ на Христовомъ деревѣ — Елкѣ — подарки, напоминаютъ и о тѣхъ драгоценныхъ дарахъ, какіе принесены были родившемуся Младенцу Иисусу Христу, Царю и Богу нашему, тремя мудрыми волхвами, или умными царями какихъ-то пастушесствующихъ племенъ на Востокѣ; эти волхвы, какъ искусные звѣздочеты или астрономы, путешествуя издалека по указанію явившейся тогда необыкновенной звѣзды, прибыли въ Вифлеемъ къ новорожденному Младенцу, ок-

руженному крайнею бѣдностью и лежавшему въ ясляхъ І. Христу; они первые назвали Его Царемъ Іудейскимъ, и преклонивъ предъ нимъ колѣни, со смиреніемъ поднесли Ему царскіе дары: золото, ливанъ и смирну. Такой необычайный примѣръ смиренія, съ одной стороны, Предвѣчнаго Царя небеснаго, — Который для спасенія нашего снисшелъ отъ непостижимаго уму небеснаго престола въ бѣдныя ясли земныя, — съ другой стороны величайшій примѣръ смиренія и мудрыхъ, конечно богатыхъ дарами счастья, волхвовъ-царей, считавшихъ за высокую честь, не смотря на трудности дальняго пути, поклониться Младенцу, Котораго указала имъ безгласная звѣзда, какъ будущаго великаго Царя и всемірнаго Владыку, такой, говорю, образъ смиренія, искусно развитый въ понятіи благоправныхъ дѣтей, не останется также безъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Умное и внимательное дитя, вникнувъ во всѣ подробности и выслушавъ вразумительное объясненіе о времени и обстоятельствахъ Рождества І. Христа, а также объ учрежденіи и значеніи своего дѣтскаго праздника, конечно, не упуститъ случая полюбопытствовать и о Елкѣ, какъ Христовомъ деревѣ, и потому съ

большимъ почтеніемъ, а не съ вѣтраннымъ легкомысліемъ встрѣтить его, и безъ сомнѣнія получить лучшіе подарки. — Благонравнымъ только, послушнымъ и внимательнымъ дѣтямъ предназначена въ подарокъ и моя небольшая книжка, въ которой помѣщенъ очень занимательный рассказъ о Елкѣ, съ нѣсколькими другими рассказами, нелишенными также своего достоинства.

Руководствомъ къ изданію переведенной мною Елки былъ одинъ умный писатель — Андерсенъ. Мнѣ стоило только облечь увлекательный рассказъ его въ формы отечественнаго языка, безъ всякаго притязанія на блестящее пышностію слога авторство, но съ искреннимъ желаніемъ добра для ума и сердца любознательной юности. А удалось ли мнѣ это по моему желанію, — благоволятъ читать и судить о томъ умы юныхъ читателей и милыхъ читательницъ.

Переводчица.

МОЛОДАЯ ЕЛКА.

Еслибъ только знали богатые люди, сидящіе зимою въ теплыхъ комнатахъ, каково тогда на сердцѣ у бѣдныхъ людей, вынужденныхъ проводить цѣлый зимній день на открытомъ воздухѣ! Но участь лѣсныхъ деревъ еще гораздо хуже въ этомъ отношеніи. Птица имѣетъ свою перяную одежду, лисица свой теплый мѣхъ, и даже медвѣдь, это лѣнивое животное, имѣетъ также, какъ господскій кучеръ, свою шубу, а одно только дерево стоитъ тамъ одиноко, какъ сотворилъ его Богъ, и оно должно быть уже очень старо, когда довольствуется тѣмъ только, что клочокъ теплаго моха прикрываетъ его старое тѣло. Кажется, и подумать

бы нельзя, что зимою въ лѣсу можетъ быть столь прекрасно, и однакожь, должно быть такъ, потому что ни одно изъ лѣсныхъ деревьевъ по собственному желанію не хочетъ зимою изъ лѣсу переселиться въ городъ. И еслибъ это когда-нибудь случилось одинъ разъ, то извѣстно, что дерево отъ того совершенно погибло бъ. Притомъ же у лѣсныхъ деревьевъ въ этомъ отношеніи есть какое-то повѣрье. У нихъ есть поговорка: кто молодъ перейдетъ въ городъ, тотъ не будетъ старѣть и расти перестанетъ (тотъ старъ не будетъ, его росту не прибудетъ). И оттого-то дерево, при перевозкѣ въ городъ, дѣлается такъ тяжело, что нерѣдко должно припрягать четырехъ лошадей для одного; но это только упрямство дерева.

Нѣкогда, за много лѣтъ предъ симъ, случилось, однакожь, молодому лѣсному дереву, истинному выскочкѣ въ свѣтъ, недовольствовавшемуся хорошимъ положеніемъ въ лѣсу, случилось испытать столь печальное приключеніе, что въ то время всѣ листья, именно въ цѣломъ лѣсу, пересказывали это другъ другу. И они не лгутъ.

Зимою, за два дня предъ тѣмъ, какъ люди празднуютъ прекраснѣйшій въ году праздникъ Рождества Христова, было ужасно

холодное утро. Воздухъ былъ очень сѣрый и густой и такъ серебристо сіялъ, какъ будто въ немъ летали и кружились маленькія звѣздочки, а на восточной сторонѣ небо сдѣлалось такъ желтокрасно, какъ будто бы кто зажегъ тамъ связку соломы. Между тѣмъ лѣсъ, стоявшій еще тогда въ совершенной дремотѣ и неподвижно, и каждое дерево, покрыты были даже до самой вершины прекраснымъ, бѣлымъ, пушистымъ одѣяломъ. Но лишь только тамошній стражъ, утренній вѣтеръ, просвистѣлъ однажды по лѣсу, вдругъ закачалось и зашумѣло со всѣхъ сторонъ, старыя деревья встрепенулись и протянули свои лѣнивые, сонные члены (сучья) и при этомъ выпрямленіи сбросили съ себя частью теплое покрывало и распростерли открытыя вершины, будто свободныя головы, въ воздухъ, какъ-бы желая взглянуть, какова погода?

И чѣмъ болѣе утро разсвѣтало и прояснялось, тѣмъ болѣе все оживлялось также и въ лѣсу; вотъ появились тутъ госпожа лисица и молодой храбрець, снѣжный пѣтушокъ, оказывая взаимно большія учтивости и поздравляя, что такъ благовременно вышли они на дѣла свои, даже спрашивали другъ у друга о любезнѣйшихъ су-

пругахъ и о любезныхъ маленькихъ домо-
чадцахъ. О, хитрыя, льстивыя твари! имъ
лучше-бы хотѣлось одному другаго съѣсть.

Когда-же довольно ободняло и солнце
вновь распростерло далекіе лучи свои по
небу, тогда и молодыя деревца сбросили съ
себя бѣлое покрывало и съ гордою само-
надѣянностью, какъ свойственно молодости,
тотчасъ выпрямились и стали въ такой-же
красѣ и зелени, какъ будто среди лѣта.

Недалеко отъ дороги, въ такомъ мѣстѣ,
гдѣ лѣсъ составлялъ выдающуюся острую
оконечность, стояла старая ель, брюзгливое,
важно покровительствующее созданіе, съ
исцарапаннымъ, шероховатымъ (загорѣв-
шимъ) завѣтрѣвшимъ лицомъ, съ широки-
ми плечами и руками, похожими на крылья
вѣтренной мельницы, а въ высоту она была
такъ велика, что казалось, будто росла отъ
самаго сотворенія міра. Подлѣ этого ста-
раго дерева стояло молодое деревцо, краси-
вое и статное, покачиваясь, какъ щеголь, и
вправо и влѣво, а когда не смотрѣло на
него старое дерево, то оно наклонялось со-
всѣмъ въ сторону и любезничало съ моло-
дою ольхою, нашептывая, что у нея такое
бѣлое тѣло, такой статный ростъ, такіе нѣж-
ные волосы — нѣтъ, этого выразить не можно!

«Батюшка», сказала тогда молодая елка: «повѣришь ли, что мнѣ снилось сегодняшнюю ночь!»

«Снилось!» говорилъ ворчаливый старикъ, «не опять ли захотѣла ты пуститься въ лотерею! Осмѣйся только!»

«Нѣтъ, отецъ мой» сказала съ улыбкою молодое дерево: «я не попрошу у тебя болѣе нисколько денегъ. Я знаю, что сокровище, объемлемое вѣтвями корней твоихъ, ты стараешься все ближе и крѣпче прижимать къ себѣ; владѣй имъ, я не хочу его. Желалъ бы я только всегда предаваться мечтательнымъ снамъ моимъ; желалъ бы я всегда видѣть такіе сны, какъ сегодняшней ночи снилось, и чтобъ сбылся когда нибудь на дѣлѣ этотъ сонъ».

«Ну, что тебѣ снилось!» спросилъ у молодого дерева дядя его, недалеко оттуда стоявшее, самага крѣпкаго сложенія, еловое дерево.

«Представьте себѣ» отвѣчало молодое дерево: «мнѣ снилось, будто я не живу здѣсь болѣе съ вами, будто очутился я между людей въ комнатѣ, богато украшенной лентами и убранствами, совершенно пылающей отъ небольшихъ, прекрасно сдѣланныхъ съ разными цвѣтами, свѣчекъ».

«Да, точно, сегодня вѣдь Рождественскій сочевникъ» проворчалъ отецъ его про себя: «но замѣчательно, отчего бы могло при-
сниться такъ молодому дереву? Это психологическая задача».

«Что ты говоришь тамъ о Рождественскомъ сочевникѣ?» спросило съ любопытствомъ молодое дерево: «что это такое?»

Старая ёлка отвѣчала съ сердцемъ. «Я почему знаю, что такое Рождественскій сочевникъ. Вонъ спроси у идущихъ тамъ людей, они тебѣ это растолкуютъ!»

Дѣйствительно на то время проходили тамъ по тропинкѣ два крестьянина, и только что приблизились они нѣсколько къ молодой елкѣ, какъ нагнулась она къ нимъ на встрѣчу, сколько можно было, и прошептала, побрякивая со всею силою своими иголками: «Скажите мнѣ, пожалуйста, что такое Рождественскій сочевникъ?»

Тогда одинъ крестьянинъ, разсмѣявшись, сказалъ другому: «Этому молодцу можно пособить, чтобъ онъ узналъ на опытѣ, что за сочевникъ». При этихъ словахъ блеснулъ топоръ и молодая елка, однимъ взмахомъ срубленная, лежала на твердой, снѣгомъ покрытой землѣ. Страхъ обнялъ все еловое семейство. Отецъ отъ скорби, болѣзни и

ужаса поникъ долу, какъ-будто буря приклонила вершину его къ землѣ; дядя, содрогнувшись, всплеснулъ зелеными своими вѣтвями и по всей фамиліи, разросшейся на томъ мѣстѣ, распространился вопль и стenanія, такъ что слыша ихъ, сердце надрывалось.

Одна только молодая ель, теперь срубленная и лежавшая на землѣ, спокойно и даже весело смотрѣла на всѣхъ и говорила: «Прощайте, мы уже болѣе не увидимся въ этой жизни. Участь моя свершилась; я была слишкомъ хороша, чтобъ здѣсь, въ темномъ лѣсу, исчезнуть въ невѣдѣніи и безвѣстности; она влекла меня въ большой человѣческій свѣтъ, и я понимаю теперь мой сонъ».

«Но ты скоро умрешь» воскликнулъ отецъ: «вѣдь ты уже срублена».

«Я охотно умру», говорила молодая елка, тихо шевеля зеленою своею вершиною: «я исполнила свое сильнѣйшее желаніе. Для чего же мы и живемъ, какъ не для того, чтобъ совершать своепредназначеніе? Мое назначеніе было — вступить въ шумный свѣтскій кругъ. Люди, люди! Ахъ, какое сильное желаніе влечетъ меня въ ихъ общество!»

«Она заражена новыми идеями», ворчало

старое дерево, и громко заскрипѣло отъ внутренняго движенія, увидѣвъ, какъ крестьяне укладывали его любезнаго сына на ручныя санки, ими самими возимыя, и тотчасъ скрывшіяся изъ глазъ на гладкой снѣговой поверхности при поворотѣ за угломъ лѣса.

Старая елка стояла тогда очень печальна: ей такъ тяжело было лишиться сына!

Онъ, впрочемъ, лежалъ на санкахъ и старался заглушить грусть разлуки дѣтскою радостію, хоть однажды побывать въ городѣ. Онъ размахивалъ около себя маленькими вѣтвями, какъ руками, такъ что снѣгъ разлетался, и чрезмѣрно возгордился, когда услышалъ разговоръ крестьянъ, которые назначали ему высокую цѣну и предполагали это дерево для знатной фамиліи. Одно болѣе всего тяготило его, именно то, что онъ оставилъ свою молодую ольху такъ легкомысленно и равнодушно, не подумавъ о томъ при веселомъ своемъ путешествіи, что молодая любовь въ нихъ обоихъ вмѣстѣ скрѣпила корни, что они вмѣстѣ выросли и что, можетъ быть, имъ опредѣлено было одному подлѣ другой состарѣться!

Конечно совсѣмъ неповѣрять, будто та-

кой деревянный отрубокъ можетъ иногда имѣть столь нѣжное сердце!

Когда крестьяне прибыли въ городъ, тогда молодая елка выпрямилась съ гордостью, и проѣзжая улицами, кивала своею вершиною туда и сюда, съ совершеннымъ благоволеніемъ, какъ будто всякій обязанъ былъ на нее только смотреть, о ней только думать и ей удивляться!

Когда же крестьяне, пріѣхавъ на рынокъ, выставили елку, тогда на сердцѣ ея сдѣлалось очень тяжело, потому что куда она ни смотрѣла, ничего болѣе не видѣла, какъ только елки, и притомъ гораздо красивѣе себя. Съ досады она тотчасъ бы готова была уйдти оттуда, потому что въ лѣсу считалась она красивѣйшею, а здѣсь кто на нее смотритъ?

Добродушная елка не знала, что съ поселянами въ городъ по большей части тоже бываетъ!

Крестьяне стояли уже довольно времени, но не было покупателей на ихъ елку; тогда начали они подрѣзывать ее и обрывать, чтобы придать деревцу лучшій видъ. Боже! они хотѣли придать лучшій видъ лѣву лѣса, гордости своей фамиліи! Но лишь только поставлена была на мѣсто такъ

оборванная и какъ будто изгнанная изъ общества елка, подошла молодая госпожа, имѣвшая изсохшее, блѣдное, прекрасное лицо, съ большими карими глазами, и темно-русскими волосами, гладко и красиво причесанными по блѣдному лицу, и остановилась на минуту, какъ бы въ размышленіи, передъ елкою, — странно, не проникла ли въ нѣжную ея душу, выражавшуюся въ глазахъ ея подобно сладостной поэзіи, не проникла ли мысль, какъ очаровательная мечта, о претерпѣнной елкою болѣзни? Или она поняла, что говорили между собою трепетно звенящія иголки въ то время, когда крестьянинъ показывалъ молодой дамѣ елку со всѣхъ сторонъ? Она купила дерево, и елка радовалась, какъ радуется всякій нашедшій хорошую госпожу.

Одно печалило елку, когда вносили ее въ домъ, именно то, что все происходило скрытно: скрытно внесли ее вверхъ по лѣстницѣ, выждавъ, чтобы не было никого у окна въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее проносили, и даже дѣти должны были удалиться изъ двухъ комнатъ, черезъ которыя несли елку. Это очень печалило ее, тщеславіе, которое очень желало бы обращать на себя вниманіе! Когда же поставили ее въ углу и за-

перли комнату, когда осталась она одна и свѣжій комнатный воздухъ обдавалъ ее холодомъ, когда за стѣною въ другой комнатѣ и передъ окнами и въ корридорѣ слышала она голоса, нѣжные, милые дѣтскіе голоса, между которыми одинъ женскій голосъ звенѣлъ такъ мягко, такъ сладостно, — тогда бѣдной, уединенной елкѣ сдѣлалось очень грустно, и тутъ она впервые раздумалась о счастіи неодинокой жизни

Но прошедшее невозвратно; елка съ радостію оторвалась отъ родной почвы — должна ли, могла ли судьба ея, полная раскаянія, иначе совершиться, подобно судьбѣ многихъ молодыхъ людей, которые все забываютъ для мечтательныхъ наслажденій, и потомъ оплакиваютъ свой обманъ?

Въ продолженіе этого долгаго дня молодой елкѣ приходила иногда на мысль молодая ольха, и есть ли въ природѣ существо, которое бы изъято было отъ воспоминаній и мечтаній, отъ надежды и любви своей молодости! Что нѣтъ такого существа, въ этомъ убѣждаемся тѣмъ, что духъ міра проникаетъ всю природу!

По наступленіи вечера отворилась дверь уединенной запертой комнаты, въ которую

вошла служанка и та прекрасная блѣдная дама, и пока служанка съ явнымъ изумленіемъ и удовольствіемъ устанавливала на столѣ елку, блѣдная госпожа, съ уныло-веселою улыбкою, раскладывала по столу бумажные сверточки съ небольшими восковыми свѣчками, конфектами, позолоченными и посеребренными фруктами, вырѣзывая ножницами изъ бумаги бантики и ленточки, дѣлала съточки и вѣночки, и при этомъ занятіи, чѣмъ болѣе переносилась она мыслями въ свое веселое дѣтство, чѣмъ усерднѣе старалась, чтобы все было сдѣлано съ приличнымъ изяществомъ, красотою и блескомъ, тѣмъ болѣе оживлялся ясностію взоръ ея и легкій румянецъ игралъ на щекахъ ея. Блѣдная елка! Кто бы могъ разгадать, что въ этой древесной душѣ происходило, кто бы могъ только представить себѣ, какое мученіе давило ея внутренность, — чувствовать все видѣнное вокругъ себя, понимать мысли людей, постигать даже, что ни на небѣ, ни на землѣ, нѣтъ ничего величественнѣе сердца человѣческаго, — и стоять мертвымъ и холоднымъ, безгласнымъ и вовсе безчувственнымъ въ то самое время, какъ бѣлыя руки прекрасной дамы, казавшіяся листочками лиліи, бережно и

осторожно мелькали и изгибались между острыми иглами!

Не даромъ же елка забыла теперь подумать о подругѣ своей юности — ольхѣ!

Когда же еловое деревцо украшено было разноцвѣтными свѣточками и вѣнками, подобно невѣстѣ въ радостный день брака, тогда развѣсили еще на немъ восковыя свѣчи, позолоченные фрукты и много, много всего, что только могло веселить маленькое дѣтское сердце. И когда все было прекрасно устроено, то служанка вышла на минуту, а прекрасная блѣдная дама стояла у стола въ раздумьи, сложивъ руки, съ выраженіемъ глубокаго внутренняго самодовольствія, неизъяснимо выражавшагося въ прекрасныхъ глазахъ ея.

Вдругъ тихо отворилась тогда дверь, и вошелъ въ комнату, съ легкостію тѣни, статный молодой мужчина. Увидѣвъ стоявшую тамъ даму, погруженную въ воспоминанія веселаго, счастливаго дѣтства, онъ въ безмолвіи безъ шуму пріостановился, — и, если глаза могутъ выражать сладостѣйшее чувство вполнѣ счастливаго и самодовольнаго сердца, то конечно это чувство сосредоточивалось во взорѣ, съ какимъ смотрѣлъ счастливецъ на счастивицу. Почти внѣ се-

бя (полувосторженный), распростеръ онъ объятія; въ это мгновеніе, она оборотилась и съ тихимъ радостнымъ восклицаніемъ упала на грудь счастливаго супруга. Нужно ли имъ было говорить что нибудь? Онъ, упоенный безпредѣльною любовію, смотрѣлъ только на прелестное существо, обвившееся около шеи его, а она тихо трепетала, какъ бы готовая заплакать отъ счастья. Наконецъ съ улыбкою освободившись отъ него, она слегка погладила красиво причесанные волосы на вискахъ у него, съ ласкою поправила его помявшіеся бакенбарды, и потомъ повела его за руку вокругъ стола, чтобы сіяющими отъ радости глазами видѣть его полное удовольствіе отъ ея работы. Послѣ того и онъ вынулъ изъ широкаго кармана своего цѣлый свертокъ, и оба они размѣстили для дѣтей ихъ радость, ихъ восторгъ. Одинъ только свертокъ старался онъ скрыть; она замѣтила это и улыбнулась про себя, ея плѣнительныя карія очи хотѣли казаться ничего невидящими.

Тутъ застучались въ дверь сперва тихо, потомъ сильнѣе, два дѣтскіе голоса полусуто, полусурьезно требовали впуска; тогда вдругъ засвѣтились всѣ свѣчки на деревѣ и лишь только обрисовалось оно стоящимъ

въ пламенномъ ослѣпительномъ блескѣ, какъ мать отворила дверь, и съ громкимъ «ахъ!» остановились, какъ будто ослѣпленные, дѣти на порогъ, потомъ подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ ближе, вдругъ бросились они каждый на свой подарокъ, и при всякой вещи пѣли маленькіе дѣтскіе голоса, какъ веселые жаворонки.

Родители рука объ руку стояли тамъ съ слезами на глазахъ; голова матери склонилась на плечо отца, и ея большіе кроткіе глаза устремлены были на него, съ выраженіемъ сквозь слезы блистающей радости о счастливой радости дѣтей. Она прижалась головою къ груди его, но при этомъ подбѣжалъ старшій мальчикъ и вскричалъ: «Маменька! вѣдь сегодня также день моего рожденія!»

Мужъ съ нѣжностію приподнялъ голову жены своей и поцѣловалъ ее въ лобъ съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, сказавъ: «И чѣмъ я могъ заплатить тебѣ за твою любовь и вѣрность!»

Она же, схвативъ трепещущую отъ изумленія руку его и поцѣловавъ ее, радостно воскликнула: «Всѣмъ, чего только можетъ желать счастливая жена; а развѣ ты это считаешь за ничто?»

Елка все это видѣла, все это слышала, и ей при этомъ такъ было удивительно! Да, живущіе въ лѣсу, конечно, имѣютъ также чувство, хотя и не могутъ выразить его подобно горожанамъ. Теперь только впервые узнало лѣсное дерево, что за вещь такая человѣческое сердце, человѣческое счастье и что это собственно значить. Тамъ, въ лѣсу, оно слышало кой-что, какъ толковали объ этомъ между собою старыя елки и сосны, которыя также слышали о томъ, и то только мимоходомъ, отъ охотниковъ и крестьянъ; такъ это-то было счастье людское, которое дереву хотѣлось узнать и испытать? И можно ли подумать, можно ли повѣрить, что это, столь невинное дитя лѣса, было также завистливо, потому что не другое что, какъ зависть дѣйствовала въ немъ, оно чувствовало, что никогда не могло бы оно быть столь счастливымъ, какъ люди, даже и тогда, когда бы оно осталось при своей прекрасной, статной ольхѣ. Въ чемъ же состояло счастье, только-что сей часъ имъ видѣнное? Истинно въ спокойномъ только довольствѣ своимъ состояніемъ, а что его гнало отъ своей родины, отъ своихъ родныхъ, отъ своей любви? Конечно, одно только недовольство, и теперь-то бѣд-

ная, несчастная елка возчувствовала, что теперь все прошло безвозвратно, потому что подсвечень былъ корень ея жизни, она чувствовала это при теплотѣ, разливаемой въ комнату горящими свѣчками, и выходящей изъ близстоящей печки, чувствовала, что жизнь ея должна уничтожиться!

Между тѣмъ маленькія свѣчки горѣли и все больше и больше убывали; въ комнату стало тише и спокойнѣе, дѣти уснули, родители сидѣли на софѣ рука въ руку и отъ полноты сердечной не говорили ни слова, и было такъ тихо, какъ будто Ангелы парили въ воздухѣ, — ахъ! а бѣдной елкѣ было такъ тяжело, какъ будто бы она въ ужасной тоскѣ уже совсѣмъ исчезаетъ. Вдругъ послышалось какое-то пѣніе и звуки изъ печки, какъ-будто выкипаетъ изъ сыраго молодого дерева его свѣжій жизненный сокъ, при этомъ иглы елки тихо зашевелились, двое, сидѣвшіе на софѣ, этого не замѣтили, а если бы и замѣтили, то приписали бы это дѣйствию и вліянію теплоты въ воздухѣ, но елка съ радостію узнала и поняла пѣніе и звуки сыраго молодого дерева; ахъ! то была дѣйствительно молодая ольха, которая охотно дозволила срубить себя, чтобы слѣдовать за возлюбленною елкою, и благопріятный слу-

чай сблизил ихъ обѣихъ въ часъ смерти.

Еще разъ иглы елки громко пророкотали межъ-собой, какъ будто хотѣли онѣ милой подругѣ юности сказать: «и я также здѣсь!» Въ то время, какъ уже послѣдняя свѣчка догорѣла и супруги вновь подтвердили поцѣлуемъ свою клятву на всю вѣчность, молодая елка рѣшительно испустила изъ сердца свой жизненный сокъ — золотистую смолу, а въ печи превратилось ольховое дерево въ кучу бѣлаго пепла.

Юлій Зейдлицъ.

II.

КАНАРЕЙКА.

КАНАРЕЙКА.

Одна небольшая дѣвочка, именемъ Катя, имѣла прелестнѣйшую канарейку. Пташка пѣла съ ранняго утра до поздняго вечера и была очень красива, златожелтая съ чернымъ хохолкомъ, Катенька же давала ей въ пищу сѣмя и свѣжую травку; также иногда кусочекъ сахару, и каждый день свѣжую, чистую воду. Но вдругъ птичка захирѣла и въ одно утро, какъ Катенька хотѣла переменить ей воду, нашла ее въ клеткѣ мертвую. Тутъ малютка громко зарыдала о любезной птичкѣ и очень плакала. Мать дѣвочки пошла изъ дому и купила ей другую канарейку, еще красивѣе цвѣтомъ, которая такъ же мило пѣла, какъ и прежняя

и посадила ее въ клетку. Но дѣвочка гораздо громче зарыдала, увидѣвъ новую птичку.

Этому очень удивилась мать и сказала: «любезное мое дитя, отчего еще ты плачешь и столь много огорчаешься! Рыданія твои не возвратятъ жизни умершей птичкѣ, и вотъ здѣсь имѣешь ты другую, которая ничѣмъ не хуже прежней!»

Тогда сказала малютка: «Ахъ, милая маменька, я несправедливо поступила противъ умершей птички и не все то исполнила въ отношеніи къ ней, что было должно и можно». «Любезная Катя» отвѣчала мать: «ты за ней совершенно тщательно ухаживала». «Ахъ, нѣтъ! возразило дитя: «незадолго до ея смерти данный мнѣ тобою для нея кусочекъ сахару я не отдала ей, а съѣла сама». Такъ говорила дѣвочка съ сердечною горестію. Но мать не смѣялась надъ слезами дѣвочки, потому-что она хорошо поняла и съ уваженіемъ оцѣнила священный голосъ природы въ сердцѣ дитяти. «Ахъ» сказала она: «какъ тяжело должно быть на душѣ неблагодарнаго дитяти при могилѣ родителей!»

Круммахеръ.

III.

УТРЕННІЙ СОНЪ.

а я сидѣлъ посрединѣ между ними съ па-
стушьимъ (жезломъ) посошкомъ. Теперь
же всѣ онѣ убѣжали и не знаю, куда дѣ-
вались.» Сказавъ это, снова принялся онъ
горько плакать.

Тутъ родители поняли горе дитяти: это
былъ живой сонъ, и они незамѣтно раз-
смѣялись межъ собой.

При этомъ, впрочемъ, отецъ сказалъ:
«Конечно, мы смѣемся теперь, мать, а меж-
дутѣмъ наши воздыханія часто бывають,
какъ дѣтскія слезы, и наши желанія и тре-
бованія не похожи ли часто на слезы Лели?»

А Леля все еще сильно горевалъ о двѣ-
надцати овечкахъ. Тогда родители не шутя
посоветовались о томъ, что должно сдѣлать,
и отецъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ:
«Леля, я пойду и поищу твоихъ овецъ».
Въ самомъ дѣлѣ онъ пошелъ, купилъ ягнен-
ка и поставилъ его въ такомъ мѣстѣ, что
ребенокъ тотчасъ увидѣлъ его. Мальчикъ,
чрезвычайно обрадованный, подбѣжалъ ту-
да и, цѣлуя съ сердечною ласкою ягненок-
ка, говорилъ: «Да это точно онъ! точно онъ!
его-то я и видѣлъ!» и былъ столько веселъ
и доволенъ, что о другихъ одиннадцати
ягняткахъ не сказалъ ни слова и вовсе не
требовалъ ихъ.

Тутъ опять улыбнулся отецъ и сказалъ матери: «Въ сонныхъ грезахъ и въ слезахъ мы, большіе, совершенно похожи на маленькаго Лелю. Хорошо, если бы только и мы, подобно ему, не желая большаго, съ такою же радостью довольствовались малымъ!»

Круммахеръ.

IV.

ЦЕРКВИ.

ТНБ Рамакыгу

ПЕРСИКИ.

Одинъ поселянинъ принесъ изъ города пять персиковъ, самыхъ прекрасныхъ, какіе едва ли когда виданы были. А дѣти его въ первый только разъ видѣли этотъ плодъ. По этому они очень изумлялись и любовались такими прекрасными яблоками, съ красноватыми щечками и нѣжнымъ мягкимъ пушкомъ. Послѣ того отецъ раздѣлилъ эти персики между четырьмя маленькими сыновьями своими, и одинъ отданъ былъ матери.

Вечеромъ, когда дѣти готовились идти въ спальную, отецъ спросилъ: «ну, каковы показались вамъ на вкусъ прекрасные яблоки?» — «Превосходно, любезный родитель,» сказалъ старшій сынъ. «Этотъ прекрасный плодъ немножко кисловатъ и очень нѣ-

жень для вкуса. Я бережно спрятавъ себѣ ядро (или косточку) и хочу выростить изъ него себѣ деревцо.» «Похвально,» сказалъ отецъ: «это значитъ быть хозяиномъ и заботиться о будущемъ, это свойственно поселянину!»

«Я свой персикъ тотчасъ же съѣлъ,» громко проговорилъ младшій сынъ: «а косточку бросилъ, притомъ еще маменька дала мнѣ половину своего персика. Ахъ! какъ онъ былъ сладокъ и таялъ во рту.» — Ну, сказалъ отецъ: «ты поступилъ хотя не очень благоразумно, впрочемъ естественно и свойственно дѣтскому возрасту. Чтобы научиться благоразумно, для этого довольно еще остается времени.»

Тутъ началъ говорить второй сынъ: «Я подобралъ косточку, брошенную меньшимъ братомъ и расколовъ ее. Въ ней было ядро или зерно вкусомъ подобное орѣху. Свой же персикъ я продалъ и получилъ за него столько денегъ, что при поѣздкѣ въ городъ конечно можно будетъ купить на тѣ деньги персиковъ двѣнадцать.»

Отецъ покачавъ головою, сказалъ: «Хотя это и не безразсудно, но ни мало неприлично дѣтскому возрасту и не естественно. Не дай Богъ тебѣ быть скупцомъ!»

«А ты что сдѣлалъ, Эдмундъ?» спросилъ отецъ третьяго сына Эдмундъ простодушно и откровенно отвѣчалъ: «Я отнесъ свой персикъ сыну нашего сосѣда, больному Егору. Онъ не хотѣлъ было взять персика, но я, положивъ ему персикъ на постель, вышелъ отъ него.»

«Ну, сказалъ тогда отецъ:» кто же сдѣлалъ самое лучшее употребленіе изъ своего персика? «Тутъ вскричали всѣ три брата: «Это сдѣлалъ братъ Эдмундъ!» Но скромный Эдмундъ молчалъ, а мать заключила его въ свои объятія, со слезою на глазахъ.

Круммахеръ.

Вальтеръ и Тертула.

ВАЛЬТЕРЪ И ГЕРТРУДА.

Одинъ старый рыцарь имѣлъ дочь, именемъ Гертруду, а также, по смерти брата своего, принялъ къ себѣ въ замокъ маленькаго сына его, именемъ Вальтера, и содержалъ его какъ собственнаго сына. Дѣти жили какъ родные братъ и сестра, играли между собой и были одно сердце и одна душа. Между-тѣмъ, какъ Гертруда ежедневно выходила одна за ворота замка для собиранія цвѣтовъ, проѣзжавшіе на то время по дорогѣ цыгане похитили малютку и увели ее съ собою. Никто не зналъ куда она дѣвалась. Отъ тоски о потерѣ дочери, отецъ Гертруды померъ, а Вальтеръ много дней и много ночей проплакалъ по своей Гертрудѣ.

Въ одинъ прекрасный, теплый весенній день, когда ужъ деревья распустили почки,

пришелъ онъ въ лѣсъ. Тамъ была зеленая, усѣянная цвѣтами долина (поляна) и между деревьями протекалъ журчащій ручеекъ. При этомъ ручейкѣ часто сиживалъ онъ съ Гертрудою и пускалъ по теченію его маленькіе кораблики изъ орѣховыхъ скорлупъ. И теперь присѣлъ онъ тамъ, сръзалъ себѣ орѣховую палочку, чтобъ ѣздить на ней верхомъ и сказалъ при этомъ: «Ахъ, еслибъ я былъ большимъ и статнымъ рыцаремъ, я отправился бы по бѣлому странному свѣту искать свою Гертроду».

Между-тѣмъ услышалъ онъ близъ себя какой-то дикій крикъ и, оглянувшись, увидѣлъ вѣрона, который такъ запутался между двумя древесными вѣтвями, что не могъ пошевелиться, тогда-какъ змѣя готова была стремительно пожрать его. Вальтеръ поспѣшно схватилъ свою палку, убилъ змѣю и освободилъ вѣрона — и вѣронъ, взлетѣвъ на дерево, прокричалъ: «Очень благодаренъ, очень благодаренъ тебѣ, любезное дитя! Такъ-какъ ты спасъ мнѣ жизнь, то пожелай чего-нибудь — и все немедленно получишь. Черезъ годъ, въ это же время, мы опять поговоримъ здѣсь.»

Услышавъ это, Вальтеръ хорошо понялъ, что вѣронъ былъ волшебная птица и ра-

достно сказалъ: «Я желаю быть рыцаремъ со шлемомъ и щитомъ, съ конемъ и оружіемъ!» За желаніемъ послѣдовало исполненіе. Тотчасъ сталъ онъ высокимъ, прекраснымъ, рыцаремъ; подлѣ него стоялъ щитъ его, изъ деревянной лошади-палочки сдѣлался гордый конь, производившій по лѣсу веселое ржаніе, и въ доказательство, что это не привидѣніе, а дѣйствительный конь, изъ плоти и костей, тутъ же началъ онъ пить изъ источника.

Вальтеръ, не понимая, что съ нимъ происходило, сперва стоялъ тамъ въ изумленіи, какъ-будто во снѣ, но скоро почувствовалъ въ себѣ новую жизнь, бодро вскочилъ на своего коня и отправился по бѣлу свѣту искать маленькой Гертруды.

Вотъ однажды увидѣлъ онъ передъ собою, на горѣ, высокій замокъ, принадлежавшій нѣкоторой королевѣ. Достигнувъ вершины горы, издалека увидѣлъ онъ сидѣвшую за воротами замка маленькую дѣвочку, игравшую съ своею куклою, и подѣхавъ ближе, узналъ, что это была маленькая Гертруда. Тогда далъ онъ шпоры своей лошади и издали еще кричалъ: «Добрый день, любезная Гертруда!» но дитя не узнало его. Приблизившись къ ней, онъ ска-

заль: «Я двоюродный братъ твой, Вальтеръ», но дитя не вѣрило ему. И когда соскочилъ онъ съ коня, чтобъ поцѣловать ее, а при этомъ вооруженіе его, мечъ и шпоры его зазвенѣли и застучали, то испуганное дитя, изъ опасенія, чтобъ незнакомецъ не сдѣлалъ чего-нибудь вреднаго, убѣжало въ замокъ.

Это очень оскорбило Вальтера; несмотря на то, онъ просилъ доложить о себѣ королеву, которая и приняла его очень милостиво. Онъ разсказалъ ей обо всемъ, какъ онъ попался къ ней въ замокъ, а отъ нея узналъ также, что Гертруду купила она у цыганъ. А какъ онъ просилъ королеву отпустить съ нимъ дѣвочку, какъ любезную ему двоюродную сестру, то королева обѣщала это только съ тѣмъ условіемъ, что если само дитя добровольно согласится на то, потому-что она полюбила эту дѣвочку отъ всего сердца.

Послѣ того королева позвала къ себѣ маленькую Гертруду и сказала: «Посмотри-ка, вотъ это дѣйствительно твой любезный двоюродный братъ; ужели ты не любишь уже его попрежнему и не хочешь съ нимъ отправиться?» — Дитя осмотрѣло рыцаря сверху до низу (съ головы до ногъ) и потомъ съ истинною грустью сказала: «Такъ-какъ вы

оба увѣряете, что это Вальтеръ, то, конечно, я должна этому повѣрить; но еслибъ онъ былъ въ томъ возрастѣ, какъ за годъ предъ симъ, то я отправилась бы съ нимъ по бѣлому свѣту, куда только ему угодно; въ такомъ же видѣ, какъ онъ теперь, я никогда не рѣшусь на это. Да и что мнѣ въ этомъ за польза? Если захочу я, попрержнему, играючи, прятаться, то блескъ его доспѣховъ и бряканье шпоръ тотчасъ покажутъ мнѣ, гдѣ онъ находится. Захочу я идти съ нимъ въ училище, тамъ не можетъ онъ сидѣть возлѣ меня на маленькой скамейкѣ и за маленькимъ столикомъ. И что я, бѣдное дитя, что могу сдѣлать въ помощь такому славному рыцарю? Захочу ли я сварить ему супъ, я должна буду обварить свои ручки; если понадобится починить ему платье, то должна буду исколоть иголкою свои пальчики, и еслибъ захотѣла я путешествовать съ нимъ по бѣлому свѣту, то истоптала бы свои ноженьки. Да, еслибъ я сама была королевскою дочерью, тогда было бы иное дѣло».

Вальтеръ вполне чувствовалъ истину словъ Гертруды. Онъ вслѣдъ затѣмъ раскланялся, сѣлъ на своего коня и отправился оттуда. Королева же и Гертруда провожали его

взорами, смотря съ высокихъ зубцовъ зѣмка.

Едва проѣхаль онъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ призывающій его голосъ съ дерева: «Вальтеръ! Вальтеръ!» Вальтеръ посмотрѣлъ: то былъ вѣронъ, который сказалъ ему: «Нынче ровно годъ назадъ, какъ ты пожелалъ быть рыцаремъ. Не имѣешь ли теперь другаго желанія? произнеси его и оно немедленно исполнится; только замѣть себѣ хорошенько, что прежнее твое желаніе вмѣстѣ съ тѣмъ должно уничтожиться».

Но Вальтеръ вовсе не слыхалъ послѣднихъ словъ, онъ перебилъ слова ворона, лишь только тотъ успѣлъ выговорить, чтобъ онъ просилъ чего-нибудь. «Я желаю, произнесъ Вальтеръ, чтобъ Гертруда сдѣлалась королевскою дочерью».

Едва онъ это вымолвилъ, вдругъ самъ превратился опять въ мальчика, а конь его — въ деревянную палочку, какъ было за годъ предъ тѣмъ. Когда же онъ посмотрѣлъ на высокіе зубцы зѣмка, то увидѣлъ подлѣ королевы чудной красоты царевну, высокую и величественную: то была его Гертруда. Тогда возвратился мальчикъ съ деревянною палочкою ко входу зѣмка и горько плакалъ; королева же, почувствовавъ

къ нему состраданіе, взяла его во внутренне покое и старалась утѣшить.

Тутъ опять встрѣтилась новая бѣда. Какъ ни пламенно любили другъ друга королева Гертруда и мальчикъ Вальтеръ, но мало было радости въ этомъ. Когда Вальтеръ говорилъ: «Пойдемъ, Гертруда, скакать черезъ рвы и рытвины и бѣгать въ запуски до извѣстной цѣли» то она говорила, напротивъ: «И, какъ это можно! это вовсе неприлично королевской дочери; и что же скажутъ люди объ этомъ?» Когда Вальтеръ говорилъ: «пойдемъ играть въ прятки», то Гертруда возражала: «И, какъ это можно! это вовсе непристойно королевской дочери; я издеру весь свой шлейфъ объ древесные сучья!» Если же Гертруда говорила Вальтеру: «Поди и застрѣли оленя для моего стола!» то Вальтеръ приносилъ ей, конечно, только мышку, а не оленя; а когда попадались имъ на встрѣчу свирѣпый быкъ или злая собака, то Гертруда должна была брать Вальтера на руки и убѣгать съ нимъ, потому-что она была гораздо больше и проворнѣе его. Несмотря на все это, Вальтеръ оставался въ замкѣ и королева отъ всего сердца полюбила его.

Когда опять прошелъ годъ, Гертруда въ

одно утро сидѣла въ саду, подъ деревомъ; вышивая въ пальцахъ, а Вальтеръ игралъ у ногъ ея. Вдругъ, попрежнему, раздался голосъ съ дерева: «Вальтеръ! Вальтеръ!» и лишь успѣлъ мальчикъ взглянуть туда, какъ сидѣвшій на суку вѣронъ сказалъ ему: «Теперь можешь ты еще разъ пожелать чего-нибудь, и это немедленно сбудется для тебя. А какъ это уже послѣдній разъ, то подумай хорошенько». Тутъ Вальтеръ, не думая долго, сказалъ: «Такъ оставь же обоихъ насъ дѣтьми на всю нашу жизнь!»

Желаніе тотчасъ исполнилось, и оба они сдѣлались дѣтьми, попрежнему. Этому они сердечно радовались, играли гораздо милѣе, нежели прежде, и были одно сердце и одна душа.

По минованіи еще одного года, дѣти эти однажды сидѣли въ саду, срывали цвѣточки и пѣли оба вмѣстѣ, вдругъ слетѣлъ ангелъ съ неба, взялъ ихъ обоихъ на лоно свое и вознесъ на высоту въ небесный садъ. Тамъ пребываютъ они вмѣстѣ до сего времени, срываютъ драгоцѣнные цвѣты и поютъ притомъ сладостныя пѣсни.

Рейнекъ.

VI.

МАЛЕНЬКІЙ ПАСТУХЪ.

МАЛЕНЬКІЙ ПАСТУХЪ.

Жилъ нѣкогда молодой пастушокъ, который вездѣ славился мудрыми своими отвѣтами на всѣ заданные вопросы. Владѣтель той страны слышалъ также о томъ, но не вѣрилъ, и потому приказавъ представить къ себѣ того мальчика, свазалъ ему: «Можешь ли ты отвѣтить мнѣ на три вопроса, которые я сдѣлаю тебѣ? и тогда я буду содержать тебя, какъ собственнаго сына». Малютка - пастушокъ сказалъ на это: «Какіе именно тѣ три вопроса?» Владѣтель земли спросилъ: «Сколько капель воды въ морѣ?» Пастушокъ отвѣчалъ: «Господинъ повелитель, прикажите запереть всѣ рѣки на землѣ, чтобъ въ море не протекала ни

одна капля, которой бы я не сосчиталъ, и тогда я скажу, сколько капель въ морѣ». Тутъ повелитель спросилъ далѣе: «Сколько звѣздъ на небѣ?» Пастушокъ отвѣчалъ: «Прикажете подать большой листъ бумаги». На поданномъ листѣ мальчикъ надѣлалъ перомъ такое множество точекъ, что ихъ едва можно было видѣть, тѣмъ менѣе сосчитать, такъ-что выше силъ было для глаза смотрѣть на этотъ листъ. Послѣ того мальчикъ сказалъ: «Столько звѣздъ на небѣ, сколько точекъ на бумагѣ. Извольте только сосчитать». Но никто не въ состояніи былъ это сдѣлать. Наконецъ спросилъ владѣтель страны: «Сколько секундъ въ вѣчности?» На это маленькій пастухъ отвѣчалъ: «Въ Нижней Помераніи есть алмазная гора, имѣющая высоты на часъ ходьбы и ширины на часъ. На эту гору въ каждыя сто лѣтъ разъ прилетаетъ птичка и чистить на ней свой носикъ, и когда вся гора отъ этого чищенья источится, тогда первая секунда вѣчности пройдетъ». Послѣ всего этого владѣтель той земли съ благоволеніемъ сказалъ: «Беру тебя къ себѣ и буду содержать тебя какъ собственнаго сына!»

Г р и м м ь.

VII.

КРАСНОЗОВКА.

КРАСНОЗОБКА.

Птичка - краснозобка въ жестокой зимней холодъ прилетѣла на окно благочестиваго поселянина, какъ-будто просилась впустить ее въ избушку. Хозяинъ, открывъ окно, радушно принялъ въ свое жилище довърчивую птичку. Тутъ клевала она крупицы и крохи, падавшія со стола его, и дѣти крестьянина обращались съ птичкой такъ же ласково и пристойно. Но лишь только весна возвратилась на землю и кусточки одѣлись свѣжею зеленью, поселянинъ открылъ свое окно и маленькій гость улетѣлъ въ ближній лѣсокъ, тамъ свилъ себѣ гнѣздо и пѣлъ свою веселую пѣсенку.

Когда же наступила вновь зима, тогда краснозобка опять прилетѣла по прежнему въ домъ поселянина и привела еще съ собою свою самочку; а крестьянинъ съ дѣтьми своими очень рады были, смотря на маленькихъ птичекъ, какъ онѣ своими ясными глазками довърчиво смотрѣли на все окружающее ихъ. И дѣти говорили: «Птички смотрятъ на насъ такъ, какъ-будто хотятъ что-то намъ сказать. Отецъ отвѣчалъ имъ: «Еслибъ онѣ могли говорить, то, конечно, сказали бы: «искреннее довъріе возбуждаетъ взаимное довъріе, и любовь производитъ взаимно любовь».

Круммахеръ

VIII.

МАЛЕНЬКАЯ БЛАГОДѢТЕЛЬНИЦА.

хлебные крошки и крохи, оставшиеся от
за обеда, и протрала их для собирания.
За темъ два раза въ день выносила она на
дворъ и высыпала тамъ крохи, а птицы
слетались туда, расклевывая ихъ. Между
темъ у дѣвочки простали руки отъ холода
при жесткомъ морозѣ. Однажды прохоло-
дилась она рѣзкимъ вѣтромъ, и
испытывая неприятную дрожь, спросила
себя: чего ты такъ дрожишь? Да
теперь все покрыто снегомъ и холодомъ, от-
вѣтила Маша: дакъ, что маленькія птички
не могутъ выжить отъ недостатка теплоты.

МАЛЕНЬКАЯ БЛАГОДѢТЕЛЬНИЦА.

Была холодная, суровая зима. Въ продолженіи той зимы маленькая Минна, единственная дочь добрыхъ родителей, собирала хлѣбные кусочки и крохи, остававшіяся въ избыткѣ, и прятала ихъ для сбереженія. За тѣмъ два раза въ день выходила она на дворъ и высыпала тамъ крохи, а птички, слетаясь туда, расклевывали ихъ. Между тѣмъ у дѣвочки дрожали руки отъ холода при жестокомъ морозѣ. Однажды подсмотрѣли ее родители въ такомъ занятіи, и любясь пріятнымъ зрѣлищемъ, спросили: «Для чего ты это дѣлаешь Минна?» Да теперь все покрыто снѣгомъ и льдомъ,» отвѣчала Минна: «такъ, что маленькія птички не могутъ ничего себѣ доставать; теперь

онѣ бѣдны. Для того-то я питаю ихъ, подобно тому, какъ богатые люди поддерживаютъ и питаютъ бѣдныхъ» Отецъ возразилъ на это:» Но тебѣ не вѣроятно же прокормить ихъ всѣхъ!» Малютка Минна отвѣчала: «А развѣ не всѣ дѣти цѣлаго свѣта дѣлаютъ тоже, что я, а также развѣ не всѣ богачи призрѣваютъ бѣдныхъ?» Но отецъ, взглянувъ на мать дѣвочки, сказалъ «о ты святая простота!»

IX.

РАДУГА.

Р А Д У Г А .

Гроза прошла. На востокъ виднѣлась большая темная гряда мрачныхъ облаковъ, а на западъ вечернее солнце, разсѣкая облака, проглядывало на освѣженную дождемъ землю. Дѣти снова спѣшили въ садъ, откуда прогналъ было ихъ дождь.

Ахъ, какъ было тамъ прекрасно и великолѣпно! Листья трепетали и сіяли, блистая удовольствіемъ, а цвѣты, поднявъ кверху свои головки, благоухали; каждый цвѣтокъ имѣлъ въ своей чашечкѣ свѣтлую каплю росы, и нельзя было навѣрное сказать, была ли то капля дождевая, или радостная слеза. Зелень серебрилась сверкающими блѣстками, а березы и кусты, освѣщаемые солнцемъ, блитали какъ-будто унизанные алмазами и жемчужными перлами. Блестящія насѣкомыя, пчелы и бабочки, скрывавшіяся отъ дождя подъ листьями и цвѣ-

тами, вновь появлялись, осматриваясь, прошла ли гроза, и потомъ, жужжа и распѣвая, разлетались оттуда, а комары толпами кружились въ солнечномъ сіяніи. Это было прелестно!

Дѣти съ громкими восклицаніями выбѣжали черезъ садъ въ поле. Тамъ вдругъ остановились они въ безмолвіи, изумленные красотой и величіемъ представившейся имъ картины! Большая, прекрасная радуга, широко-широко простираясь по небу, сіяла прелестнѣйшими цвѣтами, фіолетовымъ и синимъ, зеленымъ, желтымъ и краснымъ, и казалась огромными воротами, которыя увѣшаны были разноцвѣтными свѣтло-блестящими лампами.

Долго въ безмолвіи смотрѣли изумленные дѣти на великолѣпное зрѣлище, не замѣтивъ даже, что они промокли отъ дождя, продолжавшаго еще мелко накрапывать. Наконецъ, когда развязался у нихъ связанный очарованіемъ языкъ, то маленькій Карлъ спросилъ у Генриха, который былъ нѣсколько постарше: «А кто же построилъ эти прекрасныя ворота?»

На это старшій мальчикъ съ таинственною важностью отвѣчалъ: «Да, я это хорошо знаю: мнѣ рассказала объ этомъ старая

наша Анна. Эту прекрасную дугу устроилъ Господь Богъ нашъ, и она служить лѣстницею, по которой нисходятъ ангелы съ неба на землю къ скромнымъ, послушнымъ дѣтямъ, чтобъ утѣшать ихъ. И это сущая правда, потому-что старая Анна никогда не лжетъ». — «А утѣшали ли и тебя ангелы?» спросилъ еще Карль. «Ахъ, нѣтъ!» отвѣчалъ вполголоса Гернихъ. «я не всегда бывалъ послушень!»

По наступленіи ночи, когда маленькій Карль улегся въ свою постель, онъ не могъ заснуть оттого, что все думалъ о великолѣпной лѣстницѣ и объ ангелахъ, желая, чтобъ они пришли и утѣшили его; когда же смыкалъ глаза, то видѣлъ сіяющую прелестными цвѣтами лѣстницу, ангеловъ же не видѣлъ, какъ ни усердно старался о нихъ думать.

Уже поздно пришелъ къ нему сонъ, а съ нимъ и сонныя мечты. Ему снилась великолѣпная лѣстница въ томъ положеніи, какъ онъ видѣлъ ее наяву, и добрые ангелы, въ видѣ младенцевъ съ золотыми крыльями, летали по ней внизъ и вверхъ. Они приближались къ нему, ласкали его, подносили ему прелестныя цвѣты и пѣли предъ нимъ прекрасныя пѣсни и утѣшали его.

Тогда сильнѣе билось маленькое сердце дитяти, и щеки ярче алѣли румянцемъ внутренней радости и блаженства.

Когда же мать, ставъ поутру, подошла къ постелькѣ своего любимца и смотрѣла на золотое, прелестное дитя свое, съ блаженною невинностью улыбавшееся во снѣ, то съ священною материнскою любовью напечатлѣла тихій поцѣлуй на алыхъ губкахъ дитяти.

Малютка въ то же мгновеніе открывъ ясныя очи и, взглянувъ на мать свою съ сіяющею на лицѣ радостью, обнялъ ее своими малелькими ручками. «Теперь я уловилъ тебя, наконецъ, ты мой прекрасный ангель, но съ этого времени ты долженъ уже навсегда остаться при мнѣ, а я буду всегда скромень и послушень, чтобъ опять не улетѣлъ ты отъ меня».

Такъ проговорило дитя въ полусонномъ мечтаніи и тотчасъ опять закрыло прелестныя глазки. Радостная слеза заблестѣла въ глазахъ счастливой матери и она устремила взоръ свой къ небу, и взоръ этотъ былъ благодарственною молитвою.

Кейль.

х.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО

МЕЖДУ МОГИЛАМИ.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО МЕЖДУ МОГИЛАМИ.

Дней за восемь до Рождества Христова болѣзнь постигла небольшой домикъ Ивана: Маленькая Катенька, любимица отца и матери, опасно заболѣла. Болѣзнь, какъ змѣя, крѣпче и крѣпче обвивалась около дитя; дитя отъ времени до времени содрогалось и въ судорогахъ обезображивалось все болѣе и болѣе столь милое прежде личико. Пропала всякая надежда на выздоровленіе. Ложе болѣзни сдѣлалось ложемъ смерти. Вотъ еще разъ пробѣжала дрожь по тѣлу малютки, еще одинъ тяжелый вздохъ — и жизнь дитяти отлетѣла.

Въ безмолвной печали стоялъ Иванъ передъ постелькою, подлѣ которой склонилась ницъ громко рыдавшая мать, нѣжно обнимая обѣими руками голову дитяти.

Это было за два дня передъ праздникомъ Рождества; тогда Катенькѣ исполнился бы ровно годъ, и мать такъ радостно ожидала этого дня, скрытно шила и вязала для дитяти подарокъ любви, сообразный съ ихъ бѣдностью, чтобъ порадовать свое дитя. Даже и въ то самое время, когда дѣвочка все болѣе и опаснѣе разнемогалась, и тогда еще не утомлялись дѣятельныя руки матери, но только горячѣе слезы падали на шапочку, которую шила она, и отчасу болнѣе мучила ее мысль: «увиджу ли мою голубушку опять здоровою, въ этой шапочкѣ, прыгающую подлѣ меня?» Но этому не суждено было случиться! ибо наканунѣ праздника Рождества лежала Катенька въ розовомъ крашеномъ гробѣ, стоявшемъ посрединѣ комнатки и освѣщенномъ свѣчками, которыя съ радостнымъ восклицаніемъ встрѣчало бы бодрыми, свѣтлыми очами дитя, еслибъ Богъ продлилъ ему жизнь. Теперь эти свѣчи освѣщали закрытыя на вѣки очи дитяти. Но дитя лежало съ тихою улыбкою въ шапочкѣ, сшитой рукою матери;

головка украшена цвѣтами; по обѣ стороны разложены игрушки, приготовленные родительскою любовью для дитяти.

Между-тѣмъ мать, стоя у гроба на колѣняхъ, съ улыбкою, сквозь слезы, говорила: «Голубушка ты моя! зачѣмъ оставила ты меня! Какъ ты прежде около меня рѣзвилась, а теперь такъ тиха и не промолвишь ни словечка! Не сама ли я кормила тебя на груди моей? Не играла ли, не плясала ли я сама съ тобой? Для чего жь ты не оздоровѣла? Растерзала ты мнѣ мое сердце, оставя меня!»

Иванъ подошелъ, поднявъ жену свою и сказалъ: «Пусть будетъ такъ, какъ есть!» И мать, закрывъ лицо руками, сѣла въ углу комнатки, Иванъ же покрылъ гробъ и взялъ его подъ-мышку. Въ молчаніи шли отецъ и мать и единственный братъ Катеньки, Алексѣй, къ сельскому кладбищу рано утромъ, въ день Рождества. Здѣсь зарыли они гробъ въ холодную, мрачную могилу съ безмолвными слезами и съ молитвою, и тогда, какъ вдали колокола громкимъ, радостнымъ звономъ, сливаясь съ голосами прихожанъ, выражали торжественную пѣснь: «Яко Отроча родися намъ» судорожно сжимались сердца родителей, которые стономъ выра-

жали чувство: «а у насъ умерло дитя!» но
глубоко во внутренности ихъ отзывалось
слово утѣшенія: «и у насъ родилось дитя—
для неба!»

У издательницы имѣются
въ продажѣ:

1. Вступленіе молодой дѣвпцы въ свѣтъ. Второе изданіе улучшенное и дополненное. С. П. Б. 1857 г. Ц. 60 к. с.
2. Елка, или Рождественскій Сочевникъ. С. П. Б. 1855 г. Ц. 30 к. с.
3. Poetische Schriften, von A. Reding, mit Bilder. St. Petersburg. 1848. P. 3 Nbl. Silb.
4. Licht und Schatten, von demselben. St. Petersburg. P. 1 Nbl. 50 Cop.
5. Marie. Sonette. St. Petersburg. 1845. P. 1 Nbl. 50 Cop.
6. Nachtschatten, von demselben. St. Petersburg. 1853. P. 1 Nbl. Silb.
7. Wunderblümchen, von demselben. St. Petersburg. 1854. P. 25 Cop. Silb.
8. Die letzten Worte von demselben. S. Petersburg. 1855. P. 25 Cop. Silb.
9. Denkmäler der Verehrung, Liebe und Dankbarkeit, von Julie Baronesse Uerkull. St. Petersburg. 1857. P. 75 Cop. Silb.
10. Für Dich! Eine weiße Rose in Tönen des Leids und der Sehnsucht, von A. v Reding. St. Petersburg. 1857. P. 75 Cop. Silb.
11. Расказы Андерсена, переводъ Баронессы Икскюль. С. П. Б. 1857 г. Ц. 75 к. с.
12. Подарокъ въ день Ангела, переводъ съ немѣцкаго — Баронессы Икскюль, съ литографированными картинками. С. П. Б. 1857 г. Ц. 75 к. с.

Желающіе приобрѣсть эти книжки благоволятъ адресоваться къ издательницѣ въ С. Петербургѣ, на углу Екатерингофскаго проспекта и Большой Подъяческой улицы, въ домѣ Г. Аладова. подъ № 11-мъ, прилагая за пересылку по 10 к. с. за экземпляръ.